

ством надеялись получить новое потомственное дворянство. Недовольно было и дворянство, хотя его интересы были задеты новым законом лишь косвенно — дворяне сами служили либо по выборам, либо в военной службе, но они были недовольны тем, что указ 6 августа упрочивал служебное положение семинаристов, в тогдашней России составлявших самую образованную часть чиновничества. Дворянство с трудом переносило и одного семинариста — Сперанского, а тут, по его мнению, собирались устроить целый рассадник Сперанских. Не найдя себе поддержки ни в ком, указ 6 августа тотчас после отставки Сперанского стал постепенно ограничиваться, а затем 25 июня 1834 г. был отменен совсем.¹³

Судя по тому, что все тексты «Плача» согласно просят об избавлении «от университетского ректора», можно думать, что «Плач» составлен тогда, когда закон 6 августа был еще в полной силе, т. е. между 6 августа 1809 г. и 21 марта 1812 г. В этом году ряд других школ получил право давать необходимый для повышения в чине ценз. Если бы «Отче наш» чиновников сложился в это время, то вряд ли университетский ректор номинался бы в нем только один в роли «лукаваго», от которого црѣ должен освободить несчастных чиновников. Эта формула оказалась устойчивой, и еще в 1890-х годах, когда «штатские канцеляристы» просят чина коллежского регистратора, для чего не требовалось университетского диплома, а пужен был лишь экзамен по весьма ограниченной программе, производившийся не в университете, — просители все-таки продолжают молить словами старого текста: «и не поручи нас профессорам наук во искушение, и к университетским ректорам не допусти, но избави нас от лукаваго».

Этот «Плач» чиновников отразил уже несомненно политический факт: борьбу против Сперанского, влияние которого было сильно именно в ту пору, когда он поддерживал идею франко-русского союза. В этом отношении оба русских подражания немецкому «Отче наш» сближаются: и тот и другой относятся к периоду, когда в политике сильны были защитники этого союза. Первый «Отче наш» благодарит за уничтожение привилегий французов, второй молит об отмене закона, направленного в пользу новых классов, выдвигавшихся в государственной жизни. Ясно, что оба произведения вышли из лагеря противников политики Сперанского. Внешне они сохраняют вполне лойяльный вид: просьбы об отмене неудобных законов обращаются к верховной власти, которую ни одна пародия ни в какой

13

13 М. Н. Покровский. Русская история, т. IV, М., 1914, стр. 273—274.